

4. *Ivanov A.O.* Evolyutsiya podkhodov k opredeleniyu ponyatiya “ideologiya” // Rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo: obshchee i osobennoe: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii pamyati professora F.M. Rudinskogo. M.: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet, Institut prava i upravleniya, 2019. S. 30–34.
5. *Karlej’ T.* Frantsuzskaya revolyutsiya. Istoriya / per. s angl. Yu.V. Dubrovina, E.A. Mel’nikovoj. M.: Mysl’, 1991. 575 s.
6. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij. T. 17. 5-e izd. M.: Izdatel’stvo politicheskoy literatury, 1969. 418 s.
7. *Mestr Zh. de.* Rassuzhdeniya o Frantsii. M., 1997. 216 s.
8. *Revunenkov V.G.* Istoriya Frantsuzskoj revolyutsii. SPb.: Obrazovanie – Kul’tura, 2003. 775 s.
9. Entsiklopedicheskij slovar’ Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907.
10. *Bailey B.J.* The Luddite Rebellion. N. Y.: New York University Press, 1998. 182 p.
11. *Goubert P.* L’Ancien Regime. T. I. P., 1969. 456 p.

DOI: 10.25586/RNUV9276.20.02.P.160

УДК 343.7

И.Е. Милова, М.М. Исаев, О.С. Алякишева

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО
ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Рассматриваются основные этапы развития отечественного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за посредничество во взяточничестве. Показано, что исторически подобное явление в нашей стране существует достаточно давно, однако его правовые оценки постоянно изменялись: от декриминализации законодатель переходил к непримиримому противодействию данному явлению и усилению санкций в отношении лиц, совершающих подобные деяния. Отмечено, что соответствующие преступления тем не менее демонстрируют тенденцию к росту, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих нормативных подходов и проблем в их реализации на практике.

Ключевые слова: посул, лихоимство, вздоимство, незаконное вознаграждение, коррупционное предложение, предмет взятки, взяточничество, коммерческий подкуп.

I.E. Milova, M.M. Isaev, O.S. Alyakisheva

THE GENESIS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW
ON LIABILITY FOR MEDIATION IN BRIBERY

The main stages of the development of domestic criminal law governing the responsibility for mediation in bribery are considered. It has been shown that a historically similar phenomenon has existed in our country for a long time, but its legal assessments have constantly changed: from decriminalization, the legislator switched to an implacable opposition to this phenomenon and increased sanctions against persons committing such acts. It is noted that the corresponding crimes nevertheless demonstrate a growth trend, which indicates the lack of effectiveness of existing regulatory approaches and problems in their implementation in practice.

Keywords: promise, extortion, bribery, illegal remuneration, corrupt offer, subject of a bribe, commercial bribery.

Президент России В.В. Путин поставил задачу прорывного развития экономики [10, с. 29]. Решить ее невозможно без преодоления взяточничества. В условиях плановой экономики такие преступления также совершались, но об этом не принято было говорить открыто. Власть отрицала существование в социалистической действительности данного преступления.

С переходом к рынку многие болевые точки обострились, включая и коррупционную составляющую. Принципиально важно, что глава государства, Правительство, парламент видят эти проблемы и настроены на решительное противодействие им всеми допустимыми способами, включая уголовно-правовые. Между тем применения только такого рода средств борьбы недостаточно. Очевидно, что здесь необходим комплексный подход, поскольку коррупция охватила все сферы общественной жизни.

Законодатель уделяет пристальное внимание совершенствованию уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления в сфере экономики. При этом статистика показывает, что отмечена тенденция их устойчивого роста. Данный факт свидетельствует о неэффективности нормативного регулирования, что связано с наличием в нем определенных пробелов, чем пользуются криминальные элементы.

Вместе с тем правоприменительная практика не вполне готова к реализации положений действующего уголовного закона. Наблюдается отставание эмпирического сектора от реально складывающейся ситуации, что недопустимо и подрывает степень доверия общества к правоохранительным органам и судебной системе, порождая у населения сомнения в их профессионализме.

Сложилась ситуация, когда ряд норм отличается формальностью и на практике

не работает. Объективно это связано с латентностью взяточничества. Полагаем, что активную помощь в выявлении фактов взяточничества властным структурам способно оказать гражданское общество. К сожалению, большинство граждан лояльно относятся к подобным негативным проявлениям, многие считают передачу незаконного вознаграждения и его принятие нормой, не видят препятствий к тому, чтобы оказывать содействие сторонам этого процесса в реализации их противоправных намерений.

Коррупциогенные факторы должны быть четко обозначены, намечены реальные пути противодействия этому злу. Неустойчивым к коррупционным предложениям лицам следует постоянно напоминать о недопустимости любой прикосновенности к незаконным вознаграждениям. На сегодняшний день посредничество во взяточничестве получило широкое распространение, что требует активизации борьбы с данным преступлением как путем совершенствования нормативной регламентации, так и оптимизацией практической деятельности.

Первые упоминания о нормативном регулировании ответственности за взяточничество мы находим в Судебнике 1497 г., где подобные деяния называются «посулами» [8]. Ответственность в каждом случае была индивидуальна и регламентировалась на уровне указов, связанных с конкретной ситуацией. В данный период не усматривалось единого подхода к правовой оценке указанного деяния. Ответственность носила скорее рекомендательный, чем обязательный характер. В частности, чиновникам советовали избегать подобных действий, но при этом для нарушителей не устанавливалось никаких санкций. Одновременно с этим в том же акте есть нормы, где за «посул» устанавливалось определенное наказание.

В последующем источнике права – Судебнике 1550 г. – подобные деяния уже прямо были отнесены к преступлениям, что показывает: власть осуждала указанные проявления и пыталась им противодействовать [2, с. 10]. Наказывали за такие нарушения кнутом и дополнительно взымали штраф. Примечательно, что его размер зависел от принадлежности виновного к конкретному сословию. Бояре платили сумму иска в полном объеме и тройное возмещение уплаченных судебных расходов. Наказание личного характера определялось нечетко, в формулировках типа «как царь скажет», то есть его мера зависела от субъективного усмотрения представителей власти.

В особом порядке наказывались служители церкви. Помимо оплаты штрафа, их еще помещали в острог. Подьячих били кнутом, лишали имущества, но денежный штраф с них не взыскивали. В указанном нормативном акте выделены виды взяточничества, в их числе названы лихоимство и мздоимство [1, с. 13–17]. Под первым понимали получение судебных пошлин любым должностным лицом этого ведомства в суммах, превышающих установленные Судебником. Ко второму относили выполнение служебных обязанностей за незаконное вознаграждение с нарушениями интересов правосудия.

Очередным этапом развития правовой регламентации ответственности за взяточничество стало Соборное уложение 1649 г., где круг субъектов-нарушителей был значительно расширен. Отдельная глава называлась «О суде», в ней говорилось об ответственности за подобные деяния для всех судебных чиновников.

Активно боролся с взяточниками Петр I. В период его правления был издан Указ от 23 августа 1713 г. Согласно ему телесным наказаниям подвергались как взяткодатель,

так и взятополучатель; виновных били батогами [3, с. 56]. Кроме того, их вместе с семьями ссылали на каторгу на длительные сроки. Если подобные действия ими совершались повторно, то в этом случае их подвергали казни.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливалась ответственность за те же виды взяточничества. Относительно лихоимства законодателем было внесено уточнение, что указанные деяния направлены против интересов государственной службы. Уголовное уложение 1903 г. в дополнение к названным видам рассматривало взятку, данную в качестве благодарности. Последняя ограничивалась от лихоимских поборов, когда виновный забирает себе деньги, предназначенные для передачи государству, и тратит их на личные нужды.

В Судебнике 1497 г. есть сведения о том, что к «посулам» может прибегать несколько лиц, т.е. действовать в соучастии, однако без четкого определения его видового деления и форм. Отчетливо прослеживается тенденция оценивать подобные нарушения как значительно более общественно опасные, чем единичные преступления. В этом нормативном акте, по существу, впервые появилась норма об ответственности за посреднические действия в получении незаконного вознаграждения [12].

В данном источнике права упоминалось о так называемом недельщике (аналог современного судебного пристава), которому запрещалось не только лично принимать «посул», но также брать его для передачи другим лицам, имеющим отношение к судебному разбирательству. Таким образом, он нес самостоятельную ответственность за то, что вымогал незаконное вознаграждение, а также за посреднические действия при получении взятки с ее последующей передачей должностному лицу [11, с. 34].

Сходные положения об ответственности недельщика за посредничество содержались и в Судебнике 1550 г. За подобные действия к нему применялись суровые наказания в виде торговой казни с возмещением суммы, кратной взятке в тройном размере. Одновременно с этим лицо отстранялось от должности [13, с. 146].

Анализ Соборного уложения 1649 г. показывает, что в нем устанавливалась ответственность не только за личное получение «посула», но и за его принятие через иных лиц, включая родственников и посторонних. Наказание за подобные нарушения было равно тому, которое следовало за получение взятки.

В Уложении описывается ситуация, когда подьячий принимал предмет взятки якобы для того, чтобы передать его судье за принятие определенного решения. Однако присваивал его себе. Подобные действия исследователи вопроса называют «мнимым посредничеством». Между тем в нормативных актах этого периода не содержалось расшифровки понятия «посредничество». Оно носило скорее собирательный характер, объединяя в себе представления о ряде действий [7, с. 51].

Неоднозначные подходы к нормативному регулированию в этой сфере наблюдались в советский период. Новая власть объявила, что отказывается от старых представлений в вопросах уголовной ответственности. Первичное правовое регулирование в рассматриваемой области осуществлялось на основе декретов СНК и разрозненных постановлений. Например, по Декрету от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» в числе нарушений называлось и посредничество в подобных действиях.

Существенные изменения в подходах к регулированию произошли в период НЭПа. В Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1922 г. устанавливался запрет на посред-

ничество во взяточничестве. Данный состав преступления был помещен в главу «Должностные (служебные) преступления». Однако способы посредничества законодателем не определялись. В примечании к одной из статей говорилось о возможности освобождения от ответственности за посредничество во взяточничестве тех лиц, в отношении которых имело место вымогательство, при условии, что они заявили об этом.

Диспозиция в конструкции указанного состава имела особенность юридической техники. Так, она была сформулирована в детально-описательном варианте. Вместе с тем в ней кроме посредничества во взяточничестве говорилось об оказании содействия или непринятии мер противодействия взяточничеству. Помимо этого, существовала отдельная норма, где содержались признаки состава преступления: «дача взятки и посредничество во взяточничестве». По размеру санкций можно констатировать, что посредничество по степени общественной опасности приравнивалось к взяточничеству. Наказанием за него была потеря свободы. Если имели место отягчающие обстоятельства, то допускалось назначение смертной казни.

УК РСФСР 1922 г. несколько смягчил санкцию, максимально до пяти лет лишения свободы, что было, безусловно, связано с НЭПом, во время которого данное явление распространилось повсеместно. УК РСФСР 1960 г. не содержал норму, регламентирующую ответственность за посредничество во взяточничестве. Криминализация подобных действий была осуществлена позже, а именно в 1962 г., когда уголовный закон был дополнен ст. 174.1 УК РСФСР. Введенный состав преступления получил название «Посредничество во взяточничестве», что соответствовало формулировке диспозиции данной нормы. Помимо основ-

ного состава, были квалифицированные (в них вошли отягчающие обстоятельства, такие как неоднократность, совершение посреднических действий с применением служебного положения). Основным наказанием было лишение свободы с применением конфискации имущества.

С точки зрения теории уголовного права посредник производил действия не по своей воле, а осуществляя их в интересах другого лица (за вознаграждение или по просьбе). Важные правовые позиции были изложены в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве». Посредником признавалось лицо, передавшее предмет взятки, действуя в интересах другого субъекта. Вместе с тем подчеркивалось, что решение о принятии незаконного вознаграждения принимает взяточполучатель, а посредник только реализует его волеизъявление.

Президент России в послании к Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г. заявил о необходимости активизации борьбы с коррупцией, отметив, что «в стране образовался такой вид преступного промысла, как посредничество во взяточничестве». Позиция главы государства была воспринята законодателем, вследствие чего в уголовном законе появилась ст. 291.1 УК Российской Федерации.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ были внесены изменения в УК Российской Федерации. Сделано это было в целях устранения противоречий между посредническими функциями во взяточничестве и коммерческом подкупе для разграничения указанных составов преступлений [6]. Данные коррективы были предопределены международными подходами, поскольку Россия ратифицировала Конвенцию ООН «Против коррупции» (2003 г.) [15].

Ряд вопросов, которые касаются подобных действий, продолжает оставаться дискуссионным. Например, есть разночтения в толковании примечания, где установлена возможность освободить лицо от ответственности за посреднические действия, если оно помогло раскрыть или пресечь преступление, а также добровольно сообщило о факте его совершения [14, с. 33].

Нет единого мнения в понимании зависимости посредничества от размера переданной взятки. Согласно правовой позиции Верховного суда Российской Федерации ответственность за посредничество во взяточничестве наступает, только если размер незаконного вознаграждения соответствует критерию значительного. В то же время в науке высказано мнение, что посредничество во взяточничестве не следует сопоставлять с размером взятки, так как он не имеет для данного состава юридического значения, а важен сам факт оказания соответствующего криминального содействия [5]. В противном случае возникает необходимость декриминализации посреднических услуг при незначительной сумме таковых [4].

Высшая судебная инстанция также проявляет внимание к преступлениям данного вида, на что указывает принятие в последнее время двух значимых постановлений, а именно от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» и от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Верховным судом Российской Федерации даны руководящие разъяснения относительно квалификации посредничества во взяточничестве. Кроме того, установлены четкие основания, позволяющие отграничивать подобные действия от иных актов взяточничества [9].

Верховный суд Российской Федерации придерживается правовой позиции, что разница между пособником и посредником во взяточничестве состоит в том, что посредник действует не в своих интересах, а от имени и за счет имущества взяткодателя.

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать, что посредничество во взяточничестве имеет определенную историю нормативного регулирования в отечественном уголовном законодательстве.

Некоторые положения отличаются преемственностью подходов, другие кардинально пересматриваются, что свидетельствует о наличии динамических процессов. С точки зрения юридической техники эти действия то объединяют с взяточничеством, то выделяют в качестве самостоятельного состава. Совершенствованию правового регулирования способствует имплементация международных подходов на российской почве с учетом отечественной ментальности.

Литература

1. Агибалова А.В., Яковлева Е.О. История развития законодательства об уголовной ответственности за взяточничество // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей по материалам VII Международной заочной научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 13–17.
2. Акимова Н.В. Истоки коррупции и особенности борьбы с ней в России XIV–XVII веков // История государства и права. 2008. № 8.
3. Астанин В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: диалектика системного подхода. М., 2003.
4. Безверхов А.Г. О предмете взяточничества и коммерческого подкупа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2 (14). С. 90–93.
5. Куц К.С. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Молодой ученый. 2018. № 7. С. 130–133.
6. Мангутова А.Р. Проблема взяточничества в истории России // Шаг в историческую науку: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 50–55.
7. Мангутова А.Р., Забирова А.Ф. Проблема взяточничества в истории России // Шаг в историческую науку: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2018.
8. Мойзель А.С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления: история и современность // Молодой ученый. 2019. № 46. С. 172–175.
9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.
10. Путин В.В. Основное содержание послания президента Российской Федерации. М., 2018.
11. Рустамова Ф.Н. История становления и развития ответственности за посредничество во взяточничестве // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 2 (26).
12. Сунгатуллин А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. М.: РАП, 2013. С. 82–84.

13. Харитоновна А.Н. Понятие взяточничества в истории отечественного законодательства // Гуманитарные исследования. 2016. № 1 (57).
14. Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного суда // Законность. 2018. № 1.
15. Teti E., Dell'Acqua A., Etro L., Volpe M. The Impact of Board Independency, Ceo Duality and Ceo Fixed Compensation on M&A Performance // Corporate Governance. 2017. Vol. 5. P. 947–971.

Literatura

1. Agibalova A.V., Yakovleva E.O. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti za vzyatochnichestvo // Ugolovnoe pravo v evolyutsioniruyushchem obshchestve: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh statej po materialam VII Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kursk, 2017. S. 13–17.
2. Akimova N.V. Istoki korruptsiii i osobennosti bor'by s nej v Rossii XIV–XVII vekov // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 8.
3. Astanin V.V. Bor'ba s korruptsiej v Rossii XVI–XX vekov: dialektika sistemnogo podkhoda. M., 2003.
4. Bezverkhov A.G. O predmete vzyatochnichestva i kommercheskogo podkupa // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2013. № 2 (14). S. 90–93.
5. Kuts K.S. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: problemy kvalifikatsii // Molodoj uchenyj. 2018. № 7. S. 130–133.
6. Mangutova A.R. Problema vzyatochnichestva v istorii Rossii // Shag v istoricheskuyu nauku: materialy XVIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg, 2018. S. 50–55.
7. Mangutova A.R., Zabirova A.F. Problema vzyatochnichestva v istorii Rossii // Shag v istoricheskuyu nauku: materialy XVIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg, 2018.
8. Mojzel' A.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za korruptsionnye prestupleniya: istoriya i sovremennost' // Molodoj uchenyj. 2019. № 46. S. 172–175.
9. O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda Rossijskoj Federatsii ot 9 iyulya 2013 g. № 24 // Byulleten' VS RF. 2013. № 8.
10. Putin V.V. Osnovnoe sodержание poslaniya prezidenta Rossijskoj Federatsii. M., 2018.
11. Rustamova F.N. Istoriya stanovleniya i razvitiya otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhiqistan. 2015. № 2 (26).
12. Sungatullin A.Yu. Razvitie otechestvennogo ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za posrednichestvo v sovershenii prestupleniya v seredine XIX stoletiya // Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii: nauchnye trudy kafedry ugolovnogo prava. Vyp. 3 / pod red. A.V. Brilliantova, Yu.E. Pudovochkina. M.: RAP, 2013. S. 82–84.
13. Kharitonova A.N. Ponyatie vzyatochnichestva v istorii otechestvennogo zakonodatel'stva // Gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1 (57).
14. Yani P.S. Vzyatochnichestvo: spory o sodержanii novell ugolovnogo zakona i pozitsii Verkhovnogo suda // Zakonnost'. 2018. № 1.
15. Teti E., Dell'Acqua A., Etro L., Volpe M. The Impact of Board Independency, Ceo Duality and Ceo Fixed Compensation on M&A Performance // Corporate Governance. 2017. Vol. 5. P. 947–971.